

Охотничья культура и культурология охоты

УДК 911.3 : 392 : 639.1

В.Н. Степаненко

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», Иркутск, Россия

ОХОТА В КУЛЬТУРЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

В статье приводятся сведения по истории охотничьей культуры сибирской деревни. При освоении Сибири русское население создало очень эффективную систему природопользования, обеспечивавшую включение в хозяйственный оборот всех доступных ресурсов животного происхождения. Культура охоты развивалась стихийно, что привело к подрыву численности и даже истреблению наиболее ценных объектов охоты. Но одновременно вырабатывались традиции рационального природопользования. За XX век уклад жизни населения Сибири изменился кардинально, культура охоты сибирской деревни ушла в прошлое. Но эта культура заметно влияла даже на судьбу страны.

Ключевые слова: Сибирь, население, сибирская деревня, промысловая охота, охотничья культура, объекты охоты.

Использование ресурсов окружающего мира для жизнеобеспечения естественно для всех народов планеты, создавших в своё время свои оригинальные культуры адаптации к ландшафту. Составной частью всех этих культур в своё время была охота, причём при низких плотностях населения человека и наличии доступных природных ресурсов роль охоты как органичной части национальной культуры сохранялась во времени. Ещё в XIX веке для сельского населения России умение охотиться было естественным, см. сказку Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил». В сказке так же отражено, что слои населения, в силу различных причин оторванные от природы, утрачивают охотничьи навыки.

При освоении Сибири русскими пришлое население приносило на новые территории свои охотничьи традиции и активно перенимало опыт коренных народов. На этой основе со временем вырабатывалась оригинальные традиции охоты сибирской деревни, как неотъемлемая часть её культуры. В огромной Сибири охотничьи традиции населения существенно различались по естественным причинам, но имели много общего. Сельские населенные пункты появились повсеместно, в первую очередь по сухопутным и водным транспортным путям, причём основу жизнеобеспечения всегда составляла не охота, а сельское хозяйство. Хотя русские пришли в Сибирь в первую очередь за пушниной, наиболее плотно они заселили лесостепной юг региона. Здесь основой жизнеобеспечения населения стало сельское хозяйство, в первую очередь хлебопашество. Сибирь уже в первые десятилетия после освоения полностью обеспечивала себя хлебом, причём качественным и дешёвым. В таёжной части все

русские посёлки появились только в долинах крупных и средних рек, в местах, где было возможно животноводство со стойловым содержанием скота зимой и огородничество. Относительно крупные сёла были немногочисленны, преобладали небольшие, в пределах 50 - 100 дворов, деревни и посёлки. Охота в Сибири вплоть до XX века не лимитировалась (Молчанов, Гартфельд, 2015), поэтому население вырабатывало охотничьи традиции методом проб и ошибок. Культура сибирского природопользования оказалась естественной и очень эффективной, способной отрицательно влиять на объекты охоты. На разные группы видов объектов охоты эта культура влияла не одинаково.

Пушные виды. Добыче пушнины уделялось особое внимание, наиболее востребованными были самые ценные виды. В результате бобр был уничтожен очень быстро, а соболь оказался на грани истребления. Основным пушным видом стала белка. Белковые стали обязательной частью уклада жизни всех притаёжных деревень. Коренные народы охотились на пушнину преимущественно с ружьём и собакой, русские сочетали ружейную охоту с самоловным промыслом вида. Наиболее продуктивные угодья в кедровниках обустроивались зимовьями и плашниками, то есть системами троп с деревянными самоловами – плашками. Обустроенные угодья становились объектом собственности, с правом передачи его по наследству либо продажи. Расширение площадей обустроенных плашниками угодий в глубину тайги шло постоянно, вплоть до 30-х годов XX века, порождая конфликты охотников из коренного населения с русскими (Иванов и др., 2008). Обустройство тайги требовало труда, но позволяло впоследствии на протяжении многих десятилетий снимать урожай пушнины. Собственники обустроенных угодий зачастую практиковали наём работников по обслуживанию плашников за заранее оговоренную долю добытой пушнины. Так осваивались угодья, удалённые от населённых пунктов на расстояние дневного перехода с вьючными лошадьми и более, ближние общедоступные угодья объектом собственности, как правило, не становились. Рентабельность промысла белки была достаточно высокой. Закупочная цена на её шкурки была такова, что охотники для застолья по случаю сдачи пушнины сбрасывались по белке. Стоимость одной шкурки белки в 20-е годы XX века была эквивалентна стоимости 0,5 л водки и одной солёной селёдки. С началом коллективизации собственность на угодья была отменена, а плашка, как вредное, типично кулацкое орудие промысла, запрещена. Система опромышления угодий была разрушена, дальнюю тайгу вновь осваивали во второй половине XX века. Линейцев С.Н. (2003), участник этой работы, приводит сведения, что при создании новых промысловых хозяйств

проблем с кадрами охотников-промысловиков не было – они имелись в сибирских деревнях в достаточном количестве. То есть культура промысловой охоты в середине XX века была жива, что позволило создать соответствующие времени охотничье-промысловые хозяйства и вновь освоить тайгу.

Интересно, что возродить при этом самоловный промысел белки удалось только в отдельных пунктах, не смотря на программы его возрождения и усилия специалистов промхозов.

Кроме белки, в прошлом добывались все доступные пушные виды, причём колонок и горностаев в отдельных местностях могли становиться главными объектами промысла. В общедоступных угодьях пушные ресурсы осваивались наиболее полно, здесь важными объектами охоты, кроме белки и мелких кунных, были заяц-беляк и лисица. Зайцы добывались самоловами в огромных количествах, мясо шло для личного использования, шкурки были востребованным сырьём для изготовления фетра. При экспорте заячьих шкурок из Российской Империи они учитывались не поштучно, а на вес, пудами. При возможности гарантированной добычи большого количества зайцев практиковалась и ружейная охота. Общеизвестны сохранившиеся до наших дней коллективные охоты на зайца в Якутии. В Катангском районе Иркутской области автор сообщения в 1975 году участвовал в очень добычливой ночной охоте на зайцев в начале октября. Полностью вылинявшие беляки в темноте выходили на кормёжку на отаву сенокосных лугов, были отлично видны в темноте и подпускали охотников на 20 – 30 метров. Каждый участник охоты добывал за ночь, за несколько выходов, до тридцати зверьков. Охота носила промысловый характер, мясо зайцев солилось и затем коптилось. Имеются сведения, что эта охота не забыта и сейчас.

Крупные хищники. Русское сельское население Сибири проблему взаимоотношений с крупными хищниками решало самостоятельно и успешно. Имелись кадры квалифицированных охотников, способных добывать любые виды, в том числе медведя и волка. Даже несовершенно на наш взгляд оружие и самодельные самоловы позволяли держать численность нежелательных видов под контролем. Например, в 18 веке в наиболее заселённой части Сибири, прилегающей к Сибирскому тракту, волк стал крайне редким видом (Паллас, 1786). Следует отметить, что в настоящее время обилие волка в этих же местах значительно выше. Бурый медведь, оставаясь в тайге обычным видом, в ближних окрестностях населённых пунктов, в зоне хозяйственной деятельности, выбивался полностью. Этим обеспечивалась безопасность домашних животных на выпасе и местного

населения, в первую очередь женщин и детей. Медведи регулярно заходили в освоенные людьми уголья, нападали на домашний скот, разоряли пасеки, но всех их обязательно добывали. Постоянный пресс охоты на вид повлиял на его поведение – медведи научились бояться человека и избегать встреч с ним. Тем не менее медведь в Сибири оставался обычным повсеместно, случаев сокращения площади его ареала не отмечено.

Дикие копытные. Охоте на диких копытных традиционно уделялось особое внимание. Кроме мяса, большим спросом пользовались их шкуры, необходимые для пошива зимней одежды, меховой и кожаной обуви. Резкий рост населения, активно использующего способы охоты коренного населения, повсеместно приводил к снижению обилия копытных и даже их исчезновению. Особо истребительны были охоты по насту. Например, снежные бараны в очагах на береговых обрывах реки Ангара исчезли очень быстро, почти одновременно с освоением территории, а по реке Витим продержались вплоть до начала 20-х годов XX века. Одновременно со снежным бараном на береговых обрывах р. Витим исчез дикий кабан в Чарской котловине (Скалон, 1955). В Забайкалье, в степной Даурии, имевшийся изолированный очаг аргали был ликвидирован многоснежной зимой 1831-32 года (Насимович, 1955) Пульсировали, постоянно уменьшаясь, ареалы лося и сибирского благородного оленя, хищнически истреблялась косуля сибирская. Примеров, когда жители небольших, в пределах 50 дворов, деревень добывали по несколько тысяч косуль, после чего эти копытные здесь исчезали на годы, достаточно много, подобное отмечалось повсеместно в настовой период после многоснежных зим (Насимович, 1955, Черкасов, 1990, Смирнов, 1978). Традиции охоты по насту русское население переняло у коренного, но уже к XX веку в плотно заселённой Южной Сибири эти боины прекратились, общественная оценка этого явления стала резко отрицательной. Но в местах с низкой плотностью населения традиция добычи копытных по насту дожила до современности (Степаненко, 2014). В пос. Шевыкан Качугского района Иркутской области «резать коз» по насту выходили всем посёлком вплоть до его исчезновения в начале 60-х годов, но эта бойня традиционно ограничивалась сроками, не более 2 дней за весну, что позволяло добыть по 2 – 3 косули на каждую семью. В Эвенкии в 70-е годы XX века вполне официально принимали на зверофермы мясо лосей, добытых по насту, но оформляли его, чтобы сохранить видимость законности, медвежатиной. В эвенкийских таёжных посёлках добыча копытных по насту продолжается и сейчас, но на большей части ареала косули, то есть в самой заселённой части Сибири, это явление общественным мнением осуждается с начала XX века.

Промысловая нагрузка на копытных заметно влияла на их распространение и численность. Ареал дикого северного оленя отодвинулся к северу, ареалы лося и сибирского благородного оленя сокращались повсеместно. Востребованность продукции промысла марала и изюбра росла одновременно с сокращением их ареалов, это породило новую отрасль в хозяйстве сибирской деревни – пантовое оленеводство. В начале XX века содержание сибирских благородных оленей в неволе и их разведение практиковалось на огромной, от Алтая до Забайкалья, территории. Восстановление ареалов крупных копытных началось при Советской власти и продолжалось около полувека. Но выбитые на окраинах своих видовых ареалов снежный баран, аргали и кабан не восстановлены, а ареал лесного северного оленя продолжает сокращаться. Соболь успешно восстановлен повсеместно, но ареал речного бобра – только в Западной Сибири, восточнее р.Енисей вид обитает пока отдельными изолированными очагами.

Косуля сибирская сыграла очень важную роль в освоении Сибири. Её мясо было общедоступным и очень дешёвым, а шкуры востребованы для пошива тёплой зимней одежды, необходимой для сохранения здоровья при использовании зимой гужевого транспорта. Зимние перевозки разнообразных грузов были важнейшей составляющей хозяйственной деятельности, без тёплой меховой одежды они были вообще невозможны. Качественная косуля шкура стоила дороже мяса этого животного, Фетисов А.А.(1953) приводит сведения, что при обильной добыче косуль из тайги вывозили только их шкуры.

К концу XIX – началу XX века в южной Сибири сложилась своеобразная культура охоты на косулю сибирскую. Коллективная загонная охота проводилась в начальный период зимы, с установлением снежного покрова до устойчивой морозной погоды. В этой охоте участвовало практически всё мужское население сёл и деревень. По данным А.С. Фетисова (1953), только на загонах в первые послевоенные годы в большинстве примагистральных районов Иркутской области ежегодно добывалось примерно по 1 - 1,5 тысячи косуль в каждом, а в Усть-Ордынском округе и Качугском районе ещё больше. В Качугском районе, кроме загонной охоты, в позднесенний период практиковалась охота на миграционных путях. Жители ныне исчезнувших таёжных посёлков (Шевыкан, Кодогон и др.) добывали до 10 копытных на каждую семью, только в окрестностях пос. Шевыкан этим способом добывалось около 500 косуль, а всего по району, по самым скромным оценкам, около 6 – 7 тысяч косуль за осень. Зимой на косулю повсеместно охотились индивидуально, но данная охота могла быть результативной только при высокой квалификации

охотника. Такие охотники, добывающие за зиму по несколько десятков косуль каждый, имелись почти в каждой деревне. Летняя индивидуальная охота, преимущественно на солонцах, практиковалась повсеместно, ею занимались так же самые квалифицированные охотники, всегда немногочисленные.

Попытка оценки примерных объёмов добычи косуль, стабильно державшийся очень длительный, более полувека, период, дают результаты, в которые трудно поверить. В Прибайкалье и Забайкалье уровень добычи косуль (десятки тысяч особей в каждом регионе) превышал современную официальную численность вида.

Общедоступная охота на косулю в Сибири ограничивалась традициями. Например, с окончанием календарной зимы до появления зелёной травы косулю практически повсеместно не беспокоили. Добыча самки при летней охоте считалась позором для добытчика. Вероятно, именно поэтому традиционная для коренного населения летняя охота на лактирующих самок с манком в культуре сибирской деревни не прижилась. Самоловный промысел косуль с помощью направляющих изгородей, развитый в Южной Сибири повсеместно, к началу XX века прекратился, но добыча косуль петлями и капканами отдельными охотниками практикуется и сейчас.

Косуля выдерживала пресс круглогодичной охоты благодаря относительной малочисленности населения и отсутствию современного транспорта. Осваивались окрестности населённых пунктов, но в более дальних угодьях охота теряла смысл и поэтому не проводилась. Государственные меры по ограничению охоты на косулю нередко противоречили местным традициям охоты и далеко не всегда были разумны. Как следствие этого, незаконная охота на вид стала традиционной. В условиях резкого роста численности населения и его транспортных возможностей это привело к подрыву численности косули. Сыграла свою роль и урбанизация – сейчас мелких посёлков почти нет, большинство охотников проживают в городах и крупных сёлах.

Пернатая дичь. Охота на пернатую дичь в Сибири всегда носила потребительский характер и была развита повсеместно. Традиционно она ограничивалась только сроками. Масштабы этой охоты в недавнем по историческим меркам прошлом впечатляют. А.Н. Формозов (1981) приводит сведения, что в 1931 году, в первый год организации плановых заготовок водоплавающей дичи в стране было заготовлено около 5 миллионов диких уток, из них в Западной Сибири 4 миллиона. Кроме заготовок, шла добыча водоплавающих и сбор их яиц для личного потребления. По сведениям этого

же автора, только на озёрах Чанской системы собиралось до 9 миллионов годных к употреблению утиных яиц и уничтожалось ещё больше насиженных. Этот промысел продолжался десятки, а возможно, и сотни лет и прекратился, вероятно, в середине XX века.

Культура самоловного промысла боровой дичи в Сибири была распространена повсеместно. Стационарные ловушки на тетеревов у посевов зерновых действовали от Западной до Восточной Сибири. В центральных районах Красноярского края, на малой родине автора, в прошлом самоловы на тетеревов устанавливались повсеместно у посевов зерновых, ими добывалось от 30 до полутора сотен птиц на каждую крестьянскую семью ежегодно. Этот промысел начал угасать одновременно с коллективизацией и отменой собственности на землю и к 60-м годам XX века угас окончательно. Но в военные и послевоенные годы самоловы на тетеревов ещё действовали, причём иногда продукция промысла не только использовалась на месте, но и поступала в заготовки. Промысловый характер носила и осенняя охота на тетеревов с чучелами, очень развитая в Западной Сибири. Каждый охотник, занимавшийся этой охотой, добывал за сезон от 30-50 до 200 и более птиц. В 60-е годы, с распространением автотранспорта и депрессией численности тетерева по всей Сибири, охота с чучелами прекратилась. Самоловы на глухарей применялись так же повсеместно, этот промысел продержался до массового появления подвесных лодочных моторов.

Весенняя охота на тетеревиных и глухариних токах практиковалась так же повсеместно, причём иногда именно с помощью этой охоты велась заготовка белковой пищи на летний период. Русское население севера Томской области переняло у селькупов, местного коренного населения, культуру весенней заготовки боровой дичи. Мясо добытых на токах глухарей и тетеревов солили и затем коптили, что позволяло пользоваться весенней добычей до осени. Эта традиция в селах Томской области была жива даже в начале нашего века, но давно перестала быть массовой.

Еще в 60-е годы XX века в большинстве притаёжных колхозов Сибири весной создавали охотничьи бригады для добычи боровой и водоплавающей дичи, для обеспечения пищей всех, занятых на посевных работах. Эта практиковалось вплоть до создания совхозов и укрупнения населённых пунктов, что сопровождалось ломкой остатков привычного уклада жизни сельской Сибири и массовым исчезновением т.н. «неперспективных» поселений. В крупных сёлах роль охоты в культуре жизнеобеспечения всегда падала, что и произошло в Сибири во второй половине XX века.

Значение охоты в сибирской сельской культуре не исчерпывается государственными заготовками пушнины, мяса диких животных и пернатой

дичи. Объёмы потребления дичи в Сибири длительный период находились на очень высоком уровне – от нескольких десятков до нескольких сот кг высококачественного мяса на каждую сельскую семью ежегодно. То есть культура охоты сибирской деревни влияла на здоровье её населения и даже на судьбу страны.

Сибирь стала частью России благодаря охоте. Русские люди пришли сюда в первую очередь за дикой пушниной, которая добывалась охотой. Создав адаптированную к местным условиям культуру природопользования, русские в Сибири остались русскими, что стало предпосылкой создания самой большой в мире страны. Охота, в первую очередь промысловая, стала естественной частью культуры сибирской деревни.

Общеизвестно, что в 1941 году ситуацию под Москвой переломили сибирские дивизии. Но почему именно они? Воевало одно поколение одного народа, с одинаковым уровнем морально-волевых качеств. Вооружение сибирских дивизий так же было типовым для вооружённых сил страны. Значит, сибирские дивизии превосходили другие в чём-то другом, причём это превосходство и сыграло решающую роль.

Попробуем разобраться. Воевало в основном поколение, выросшее в условиях коллективизации, поскольку страна в первой половине XX века оставалась аграрной. Коллективизация повсеместно резко сократила количество личного домашнего скота и, как следствие этого, потребление белковой пищи населением. В Сибири последствия коллективизации помогла сгладить тайга, потребление дичи в больших количествах позволило не только избежать голода, но и вырастить здоровое поколение. Это проявилось в 1941 году под Москвой. Сибиряки превосходили своих сверстников из европейской части страны силой и выносливостью, они смогли выдержать сверхнапряжение сражения. Ведь война – это солдатский труд, а сила и выносливость солдат определяют их способность к этому труду. Следовательно, охотничья культура сибирской деревни стала одной из предпосылок победы в сражении за Москву.

Каждая культура живёт, пока живы её носители. Меняющиеся социально-экономические условия и время сделали своё дело – былой сибирской деревни с её оригинальной культурой охоты уже нет. Современная Сибирь уже другая, остатки былой культуры охоты преобразовались в современную охотничью культуру. Она несовершенна и уже не отвечает требованиям времени, так как противоречит принципам рационального природопользования, но существует и даже стихийно развивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрёстка. – Иркутск: Издательство «Оттиск», 2008. – 260 с.
2. Линейцев С.Н., Очерки сибирской охоты. Трилогия. Часть первая: «Таёжными тропами». Шушенское, 2003. – 200 с.
3. Молчанов Б.А., Гартфельд А.А.. Уголовная ответственность за незаконную охоту в российском законодательстве XVIII – XIX века. // Сб. «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства», III Международная научно-практическая конф. 28 -31 окт. 2015 г. // Иркутск, 2015. стр. 14 – 21.
4. Насимович А.А. Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР. М., Изд-во АН СССР, 1955. – 404 с.
5. Паллас П.С., Путешествие по разным местам Российской Империи. Ч. 2., Кн. 2. Санкт-Петербург, 1786.
6. Скалон В.Н. Охраняйте природу. Иркутск, 1955.
7. Смирнов М.Н., Косуля в Западном Забайкалье., Новосибирск, изд-во «Наука», 1978. 192 с.
8. Степаненко В.Н., Традиции природопользования во времени. // сб. «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства», материалы международной научно-практической конференции 4 – 7 апреля 2014 г.// Иркутск, 2014. Стр. 52 -58.
9. Фетисов А.С. Косуля в Восточной Сибири. Иркутск, изд-во «Облгиз», 1950.
10. Формозов А.Н., Озёрная лесостепь и степь Западной Сибири как области массового обитания водяных птиц (Эколого-географический очерк). В кн.: Проблемы экологии и географии животных. М., Наука, 1981, с. 207 – 245.
11. Черкасов А.А., Записки охотника Восточной Сибири. М., изд-во «Физкультура и спорт», 1990, 576 с.

V.N. Stepanenko

The federal government budget enterprise «Reserved Baikal region», Irkutsk,
Russia

HUNTING IN THE CULTURE OF THE SIBERIAN VILLAGE

The article presents information on the history of hunting culture of the Siberian village. In the development of Siberia, the Russian population has created a very effective system of environmental management, to ensure inclusion in the economic turnover of all the available resources of animal origin. The culture of hunting has evolved spontaneously, which led to the undermining of the size and even the extermination of the most valuable objects of the hunting. But at the same time has developed a tradition of environmental management. For the twentieth century way of life of the population of Siberia has changed dramatically, the culture of hunting Siberian village is gone. But this culture influenced even the fate of the country

Key words: Siberia, population, siberian village, hunting industrial, Hunting culture, object of hunting

Впервые опубликовано в Сборнике материалов IV международной научно-практической конференции «Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства» (Иркутск, 28-31 октября 2016).